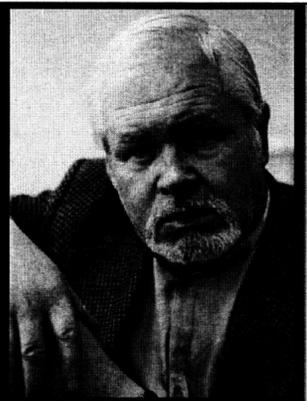

Магнитогорск ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Сорок дней, как нет с нами Юрия Костарева

К последнему декабрю...

В 1972 году, месяца за два до демобилизации, я получил письмо из Магнитки от поэта Юрия Костарева. В нем он предлагал мне по возвращении домой прийти работать не в цех, откуда я ушел в армию, а в заводскую многотиражную газету «Магнитогорский металл», где он был ответственным секретарем и руководил литературным объединением «Магнит». Журналистика тогда — дело для меня было новое, да и словотворчеством серьезно я стал заниматься недавно. Последнюю его советую и вскоре стал литературным редактором «Магнит».

Тем временам, быть знакомым с поэтом — считалось большой роскошью... Если некого любить, Если не с кем расстаться — И от горя убиваться, Не умея позабыть. Словно равная бумага, И не терпит насилия совести, И задушенная душа От земли отрывается — в поиск: Чтоб твоя душа любить и дышать. Не беснуло поэтов, судьи, Бичевать бы вам надо сейчас, — Но твое бесудбие, беспуте, Наша горкая Родина-мать, Где в законе — двеюгие звери, Где лишь силе — почет и привет, Где стучатся в равнодушные двери, Беспорядочно ходит по тебе. Вышла она право на долю — На беззвоную волю из воли, И придет его — снежное поле, И пожрет ему — наша любовь.

В 1972 году, месяца за два до демобилизации, я получил письмо из Магнитки от поэта Юрия Костарева. В нем он предлагал мне по возвращении домой прийти работать не в цех, откуда я ушел в армию, а в заводскую многотиражную газету «Магнитогорский металл», где он был ответственным секретарем и руководил литературным объединением «Магнит». Журналистика тогда — дело для меня было новое, да и словотворчеством серьезно я стал заниматься недавно. Последнюю его советую и вскоре стал литературным редактором «Магнит».

Среднюю Азию, и книгу из плана выхода тихо убрала. И только через четверть века стараниями его младшей сестры Екатерины — поэтессы из Москвы — была издана первая книга «Языческая ночь», за которую он был принят в Союз писателей России. Кавалер ордена Ленина стал Евгений Степанов учился с Юрием Костаревым в ремесленном училище № 13, вспоминает, как жили в общежитии в одной комнате, затем и работала вместе во втором мартовском цехе. Юрий был поэтом изначально от Бога. По тем временам, быть знакомым с поэтом, соприкасающийся таинством стихосложения — считалось большой роскошью. И Юрий щедро делился стихами, сочинял эпиграммы. А затем всеяриез занялся поэзией, ушел в журналистику. Родился он в июне 1941 года, накануне Великой Отечественной войны. Понятно, что его поколение пришлось хлебнуть полной

мерой из чашки послевоенных невзгод. Поэтому свет доброй печати струится из стихов о матери, родине, своем поколении. В раздумьях о судьбе он не опускается до хныканья, а поднимается до высот улыбки и юмора, до восторга слепящих с природой, до подлинного самоотречения и любви к женщине. Незадолго до смерти по предложению главного редактора «Магнитогорского металла» Станислава Рухмалева, с которым они работали еще в начале семидесятых и затем уехали в Среднюю Азию, Юрий вернулся к руководству литобъединением. Но два инфаркта подряд выбили его из седла. А после третьего — 9 декабря 2002 года, его не стало. Последний год готовился к печати его главная книга. Осталось только составить и скомпонировать. Но, увы, сделать это пришлось его друзьям. Александр ПАВЛОВ, член Союза писателей России.

Гуси летят

От прощального клика ли дальних гусей, От изыбшего ли над рекою тумана, От зари ли, настывшей над Родиной всей, Как-то странно тревожно, покойно и странно. Ну и что — вот опять догорела заря, Ну и что — по-над крышами вспыхнули звезды... А не зря на земле, на земле я — не зря? А не рано уйду, а пришел я не поздно? Столько взял у людей — а чего я им дал? Сколько я им нежданых печалей доставил. Без ответа роняет листву краснотал, И гусиный косок в позднем небе растаял. Над Оттизою встала безмерная ночь. Неуютно сегодня мне, смутно, тревожно... Только людям родным не пришлось бы невмочь, И беда — пусть бы мимо, противоположно. Молкнет эхо со мною простившие птиц, С глаз истаяло чудо звенящее это. Только мне-то вот как без него обойтись, Без него — навсегда отзвевшего лета? Если только бы шепот невнятный в ночи И хотя бы ладошка в ладошке, хотя бы... Словно свет ненадежной озыбшей свечи, Зажигает зарю подстивший октябрь.

Право на долю

Памяти Б. Попова Не спешите судить его, судьи, И друзья, не корите за грех: Не беспутство ведет, а беспуте Нас на ласковый утренний снег. Если с ядом — медовые взоры, Если врет в рукожатые руки, Если учат нас доброму вору — Затворят аорту stroke! И не терпит насилия совести, И задушенная душа От земли отрывается — в поиск: Чтоб твоя душа любить и дышать. Не беснуло поэтов, судьи, Бичевать бы вам надо сейчас, — Но твое бесудбие, беспуте, Наша горкая Родина-мать, Где в законе — двеюгие звери, Где лишь силе — почет и привет, Где стучатся в равнодушные двери, Беспорядочно ходит по тебе. Вышла она право на долю — На беззвоную волю из воли, И придет его — снежное поле, И пожрет ему — наша любовь.

Сердце, обожженное поэзией

В июне 1970 года, отслужив в армии, я пришел работать в заводскую многотиражку — «Магнитогорский металл». Редактором тогда был Юрий Левитский, а Юрием Костарев — ответственным секретарем. В белой рубашке, свежеевобригит, интеллигентный, педантичный — таким мне запомнился Костарев. Я обязан ему многим. Но прежде всего любовью к книгам, которой он меня заразил на всю жизнь. Это Юра открыл для меня Шукшина, Белова, Сельвинского, Кирсанова, Глазкова... В феврале 1973 года по партийному призыву я уехал в Узбекистан осваивать «газетную целину». В молодом прекрасном городе Навои открылась русскоязычная городская газета, делать которую стали магнитогорские журналисты. Вскоре в Узбекистан, в соседнюю Бухару, приехал Юра. Помню, как целую неделю он гостевал у меня. К тому времени я уже собрал неплохую библиотеку. Юра попросил поставить раскладушку рядом с книгами, засыпал он с ними только под утро.

Потом наши пути-дороги разошлись. Почти на четверть века Юра снова вернулся в родной Магнитогорск. С Костаревым виделся очень редко. Жил он уединенно, все больше уходил в себя. Став главным редактором «Магнитогорского металла», пригласил его поработать в газете литературным редактором. Он сказал: «Подумаю». Через день передал свои предложения-размышления по этому поводу. Цитирую часть из них: «Рухмалеву. Если я нужен, то, по возможности, в мои дела не лезь. Я профессионал такого класса (аргумент), что не потеряю ни чего-то (и твоего тоже) вмешательства. Если нужен — то нужен, но я — не дублер, не тень. Конечно, это касается только грамотности, стилистики, а политика, экономика — дела моих бессонниц и моих невидимки миру слез. Это уже предмет для разговора за рюмкой чая. Боюсь приклясть возвращаться к русскому языку Котлухужина, Павлова, Рухмалева. Вам это что, за счастье покажется? Беда в том, что вы мне дороги».

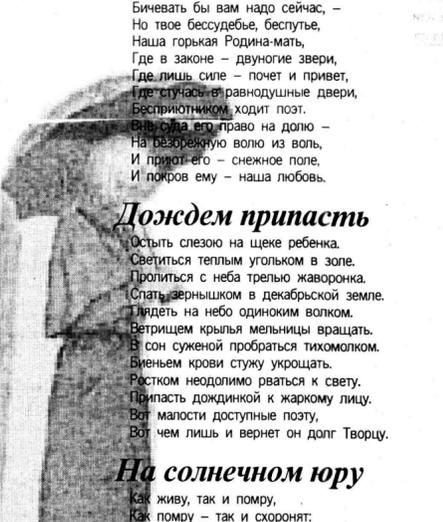
В этих словах характер Костарева. Гордый. Вспыльчивый. Легко раннимый. Отходчивый. Добрый. Преданный родниковому слову. Ребята, что вы делаете с русским языком?! — возмущался он, разминая передо мной десяток номеров нашей газеты. Все они были испещрены его замечаниями. Юра стал руководить литературным объединением при нашей газете. Старик, только ты не плати мне никаких денег за это, — просил он. — Лучшей наградой за сей скромный труд будет издание книги моих избранных стихов. Помогуешь их издать, буду обязан тебе до крышки гроба. Уже после смерти Юри, разбирая его рукописи, я обнаружил письмо замечательного земляка, Николая Воронина, присланное Костареву из подмосковного Перedelкина. Письмо датировано 26 мая 2000 года. Не могу не процитировать начало его: «Дорогой Юрий. Сейчас говорю с вашей сестрой Е. Козыревой. Порадовалась за ваши стихи, опубликованные в «Магнитогорском металле». И вместе с нею

погорчалась тому, что вы не получили моих писем и открыток, где я всегда писал о ваших стихах, полных зрелости, тайны, мудрости, печали. Четыре стихотворения в «ММ» полны обширных достоинств, выросших, вулканически вырвавшихся из Вайшей судьбы. Те поэты сильнее всего западают в нашу память, кто с безудержной искренностью умеет сказать правду о себе, чаще всего — душераздирающую. Вершинен в этом смысле в XX веке — Сергей Есенин. Вам удалось в стихотворении «без прятков» так открытаельски молвить о себе, как раньше никто не молвил: «Я счастлив без денег и тряпок. Мне лишь бы — на сердце покой. Да чтоб обойтись мне без прятков. Магн преждем и нынчеюмной». Юра писал сердцем. Его инфаркты — искры поэтического замыкания. Он разрывал свою душу словом. Сердце не выдержало таких надрывов. Поэты умирают преждевременно, но не умирают их стихи. Имя Юрия Костарева, его сокровенная поэзия останутся в наших сердцах. Пусть венной памятью о нем будет книга, изданная к его сороковнику.

Станислав РУХМАЛЕВ, главный редактор газеты «Магнитогорский металл».

Антенны

Между небом, землей — и тобой, Меж вот этой звездой — и тобою, Меж архангелом с грозной трубой — И сиротки могнчайшей избою, Меж моею тоской по тебе У колодца, у желтого срубца, — Только небо ночное теперь, Лишь пылящие искрами трубы. Между нами — прошедшая жизнь Отдвинута жизнью иною. Отзовись мне на миг, покажись: Той — вчерашнею, теплой, земною, Чтобы воздух настывший греть Вкрут ладошек твоих примиренных И, старая, — теперь догореть, Без свидетелей, без посторонних. Потому что как тень ни увяжи, Не ожить ей, напрасна опаска. Только зряшная рифма и ложь, Только сказка, беспстыдная сказка. А вокруг — беспробудная быль И телам подчиненные души, Городская свирепая пыль Да рычащего дыма удутье. Над избою уже не труба — Паутина антенн над избою. Провела меня снова судьба Между небом, землей и тобою.

Метель

Все, что нужно мне от жизни, — Это чистый лист бумаги, На который солнце брызнет В юной радостной отваге. Да когда глядишь вокруг — Был бы рядом старый друг. А вокруг — метель да выюга, А среди дороги стылгой Не видать и тени друга, Не слышать и эха милой: Только юная метель. Манит в белую постель. Сердцу не за что держаться, Сердцу незачем терзаться,

Дождем припасть

Устать слезою на щеке ребенка. Светиться теплым угольком в зле. Проплыть с неба трелью жаворонка. Спать зернышком в декабрьской земле. Лягать на небо одиночного волком. Ветрищем крылья мельницы вращать. В сон суженой пробраться тихомолком. Виенем крови стужу укоротать. Ростком неодолимо вратать к свету. Припасть дождинкой к жаркому лицу. Вот малости доступные поэту, Вот чем лишь и вернет он долг Творцу.

На солнечном юру

Как живу, так и помру, Как помру — так и сохорят: Ладно, с маху не уронят, Похмелившись поутру. А уронят сдуру вдруг — Мне уже не будет больно. Так покойно и привольно Спать на солнечном юру, Где лишь ветер и покой, Где лишь камня постоянство. Не ударит больше боль, Не помянит окаянство. Будет пресная любовь Посетителей нечестья, Станет облако каначать, Кольхаться трав приборой... Только вот уж нам с тобой В той траве не целоваться.

«Мне везло на хороших людей»

Так назвал Юрий Костарев наброски к биографии, которые он хотел включить в свою книгу

Вообще-то литератору писать свою биографию особенно и незначим. Все — в его работах. Другое дело объяснить, что я, например, стал стихотворцем не благодаря, а вопреки. У меня нет музыкального слуха, живописного таланта, вообще способностей к каким-то искусствам, без чего редко состоит литератор. Но главное, у меня нет памяти. И полное равнодушие к точным наукам. К той же грамматике. На вступающий экзамен на Литинститут по русскому языку одним из вопросов было наречие. Я вызвал остолбение, а потом гомерический изумленный хохот просьбой дать мне какое-то слово — наречие, а потом, мол, я объясню, что это такое. Слова Богу, экзамена-

торши были люди с юмором и повидавшие многое, и на мою просьбу откликнулись. Объяснил. Получил «отлично». А до того, при поступлении в УрГУ в Свердловске тоже на экзамене по русскому языку, получив «неуд», счел оценку несправедливой, пошел к ректору (до той, как он был в отпуске), доказал ему, что русским языком владею вполне прилично, и он приказал поставить мне хороши.

А еще до того, в средней школе на выпускных экзаменах, сдавая алгебру, воспользовался помощью одного из экзаменаторов. Убежден, что факультативное изучение предметов в средней школе — единственный верный и плодотворный путь. Вот у Пушкина в аттестате по нескольким точным наукам стояли нули (была такая справедливая и точная оценка), но ведь и документ выдали, и Пушкиным он стал.

Взялся писать биографию, а тянеть рассказать о тех, кто был рядом. Филипп Григорьевич Филмоленко на торжественной линейке 6 ноября 1959 года сам зачитал перед строем мою «Балладу о капле стали», а в 60-м в разгаре учебного года достал из сейфа мой аттестат об окончании школы и отпустил сдавать экзамены в УрГУ. А когда новоиспеченный студент вернулся, то узнал, что состоялся досрочные экзамены и он сдал их на «хорошо» и «отлично», получил соответствующий документ.

Алексей Григорьевич Трифонов, начальник мартовского цеха № 2, куда я был распределен после ТУ подручным разведчика, через год отпустил меня, не принуждая тогда к обязательной отработке трех лет. Видел, что не в жилах 19-летнему не очень-то мучному пареньку и работать в горячем цехе, и творчеством заниматься, и в университет учиться. Да и боялся наверное, что может этот мальокопальный стихотворец просто шое себя сломать в грохущем, пылающем, словом, в этом самом родном мартене. И потом в многотиражке «ММ» В Шураев, П. Вепштейн, В. Петренко, А. Коломиец, Н. Нестеренко помогли «подснежнику» пробиться, не сломаться. И Н. Г. Кондратковская, опекавшая уже не такого молодого автора даже на расстоянии, она дома, в Магнитке, я — на зароботках в Узбекистане. И руководитель «Красного солнышка» Аня Бугаева — потом Анна Александровна Турусова — прекрасный писатель и замечательный человек! И коллеги прежних лет С. Рухмалева и А. Павлова, вернувшие меня к руководству литобъединения «Магнит», к комбинации, к гордому моему юности. Словом, не обделен я судьбой: не убывает хороших людей!

Вот им всем, а также брату и сестрам и памяти мамы эта книга и посвящается. Февраль 2002 года.

ЧИТАЙ-ГОРОД

Герои горы Магнитной

После новогодних праздников наш старый друг и коллега Михаил Егорович Горшков пришел в редакцию со своей новой книгой «Прияженные горы». Первая книга М. Е. Горшкова с таким же названием вышла в свет в 1996 году. В ней автор собрал очерки о горняках, с кем плечо к плечу трудились, начиная с военных сороковых лет, о знатных металлургах, с кем довелось познакомиться много позже. Миллионы тонн горной массы вынул Михаил Егорович из недра горы Магнитной, работая машинистом экскаватора. Затем возглавлял партийную организацию горно-обогатительного производства. Уже будучи на пенсии работал корреспондентом «Магнитогорского металла», поскольку еще в пятидеся-

тых-шестьдесятых годах начал писать о людях труда и был принят в Союз журналистов СССР. Вторую свою книгу Михаил Горшков дополнил новыми очерками, написанными в последние годы. Со многими из них читатель нашей газеты знаком, поскольку они у нас публиковались: «Самородок» — о взрывнике и профсоюзном лидере Николае Чернышове, «Хозяин горного переделя» — о бывшем начальнике горно-обогатительного производства Анатолии Алексине, «Наташа» — о машинисте экскаватора Наталье Тимошиной-Кашашиковой, и другие. Во второе издание книги вошло свыше пятидесяти очерков. Обо всех знатных людях комбината автор рассказывает с уважением, теплотой, но без сусальности и излишнего приукрашивания, отчего образы его героев получились цельными и запоминающимися. Начатана новая книга Михаила Горшкова, как и первая, Магнитогорским домом печати. Правда, всего лишь тысячным тиражом — насколько, как говорят теперь, хватило средств. Делая на обложке дарственную надписи, Михаил Егорович тихо заметил: «Теперь и умереть можно: след свой я оставил». Мы тут же возражили, что число замечательных людей Магнитки героями только этой книги не ограничивается. О них еще писать да писать... Дальнейших вам творческих успехов, Михаил Егорович! Миндихан КОТЛУХУЖИН.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Парад дорогих имен магнитогорских

О том, что литературное краеведение в Магнитке на высоте, говорит тот факт, что в нашем городе с 1975 года действует единственный на Южном Урале литературный музей — музей-квартира Бориса Ручьева, расположенный на проспекте Ленина, 69. И это — в традициях Магнитки. С начала строительства комбината и города литературное движение на Магнитке приобрело небывалый размах: издавались газеты и журналы, работало издательство, широко заявляла о себе литературная бригада «Буксир». Руководители города, стройки, а затем и металлургического комбината всемерно поддерживали начинающих и профессиональных литераторов, поощряли ценными подарками, деньгами и поездами по стране, помогали издавать книги. Сегодня хозяйкой в музей-квартире Бориса Ручьева — старший научный сотрудник, член-корреспондент Московской международной Академии туризма и краеведения, автор программы и методических пособий для учителей-словесников по литературе Урала Наталья Григорьевна Троицкая.

Наталья Григорьевна, как давно вы изучаете литературные традиции нашего края? — Основательно занимаюсь этим лет пятнадцать. Работая методистом в «Экополисе», регулярно проводила встречи с поэтами и писателями не только местными, но и приезжими, занималась презентацией книг, организовывала семинары для учителей и библиотечек. Литературное краеведение — огромное и мало исследованное поле нашей истории. И вполне в наших силах отыскать на

этом поле неповторимые соцветия талантов. А проследив и запечатлев мгноновения их становления и расцвета, мы закрываем белые пятна времени, делая ковер нашей истории богаче и ярче. Отрадно, что в последнее время стало больше экскурсий в музей-квартиру Ручьева, школьники живо интересуются нашей литературной историей, современными авторами. Может быть, жильцам да поешадке, где расположен музей, и не по душе такое шумное порою соседство, но

Беседовал Александр БОРИСОВ.